

Калоева Е.Б.¹

**Тридцать лет возродившейся
многопартийной системы в Сербии:
(не)выученные уроки. (Реферат)**

Trideset godina obnovljenog višepartizma u Srbiji – (ne)naučene lekcije : Zbornik radova sa naučne konferencije. (2020) / Univerzitet u Beogradu ; S. Orlović, D. Kovačević (Urednici). – Beograd. – 332 s. – URL: <https://www.fpn.bg.ac.rs/wp-content/uploads/Тридесет-година-обновљеног-вишепартизма-у-Србији—ненаучене-лекције-1.pdf> (date of access: 14.02.2023).

Ключевые слова: многопартийная система, плюралистическая демократия, политические институты, политический плюрализм, гражданское общество, избирательная система.

«Тридцать лет возродившейся многопартийной системы в Сербии: (не)выученные уроки» – под таким названием в 2020 г. в Белграде издана книга, в которую вошли доклады, озвученные на научной конференции, состоявшейся в том же году на факультете политологии Белградского университета. В 1989–1990 гг., в период установления в Юго-Восточной Европе демократических режимов, новые политические партии, по меткому выражению известного сербского политолога В. Гоати, «появлялись как червяки после дождя». По данным, которые приводят профессор М. Иванович и доцент Д. Вучичевич, в Сербии в этот период было основано и формально зарегистрировано 675 партий.

¹ Калоева Елена Борисовна – кандидат исторических наук, член редколлегии журнала «Россия и современный мир». (osstik@icloud.com).

Партий, которые участвовали в выборах на союзном, республиканском и местном уровнях, было не менее 446 (s. 87).

По мнению исследователей, на динамику политического процесса оказывали влияние различные факторы, но прежде всего – либеральные нормативные условия для основания и регистрации возникающих партий, а также контекстуальные факторы (демократия и децентрализация). Почти 2/5 политических партий возникали за шесть месяцев до парламентских выборов. Проанализировав результаты продолжительной эволюции свыше 300 партий в 19 западноевропейских странах, западные аналитики пришли к выводу, что партия становится институционализированной, если она участвует в выборах более трех раз. После этого вероятность, что партия сойдет с политической сцены, невелика. Однако опыт Сербии опровергает это заключение. В Сербии ослабление позиций некогда влиятельных партий или исчезновение партий с политической арены (SRS, SPO, DSS, G17+)¹ чаще всего являлось результатом действий их руководства, которое неправильно реагировало на такие внешние импульсы, как улучшение или ухудшение условий жизни населения, а также идеологические и демографические изменения в социальной среде своего электората. Таким образом, к концу второго десятилетия XXI в. почти все влиятельные сербские парламентские партии, активно действовавшие ранее, утратили свою значимость. В то же время Сербская прогрессивная партия (*серб. Srpska napredna stranka, SNS*), возникшая в 2008 г., после выборов 2012 г. стала быстро набирать силу.

В. Гоати подчеркивает, что отсутствие сменяемости партийного руководства в конечном итоге усиливает тенденцию, ведущую к изоляции партии от общества. С этой точки зрения характерна история Социалистической партии Сербии (*серб. Socijalistička partija Srbije, SPS*) – единственной из сербских партий, принимавшей участие во всех выборах, проходивших в стране на протяжении 30 лет. По словам В. Гоати, приверженность сербов социалистическим ценностям не смогли подорвать даже «библейские

¹ SRS – Сербская радикальная партия; SPO – Сербское движение обновления; DSS – Демократическая партия Сербии; G17+ – правоцентристская либерально-консервативная партия.

изменения» 1989–1990 гг. Однако и эта партия стала постепенного «сдавать позиции» – вероятнее всего, из-за ухода из жизни поколения, составлявшего ее электоральную базу (s. 12).

Начиная с 1990-х годов до выборов, проходивших в июне 2020 г., для партийной системы Сербии был характерен поляризованный плюрализм, на политическом поле были представлены не только партии демократического толка, но и партии, проповедующие недемократические ценности (например, SRS – Сербская радикальная партия). Июньское голосование 2020 г. показало совсем другую картину по сравнению с результатами предыдущих выборов. На этот раз партийную систему составили всего три партии: провластная SNS (60,68% голосов), получившая 188 мандатов, небольшая социалистическая партия SPS (10,38% голосов, 32 мандата) и карликовая партия «Победа для Сербии – А. Шайич» (3,83% голосов, 11 мандатов). «Между представленными партиями нет значительных идейно-политических различий, которые могли бы привести к конкуренции, а потому, с точки зрения принятой классификации, отсутствует условие, позволяющее вообще говорить о наличии партийной системы», – утверждает В. Гоати (s. 22). По словам председателя SPS И. Дачича, можно говорить об отсутствии в Сербии предпосылок для деления на доминирующую и оппозиционные партии, власть и оппозицию. С точки зрения перспектив демократических преобразований и укоренения демократических ценностей подобное положение дел весьма проблематично.

Решающее влияние на результаты парламентских выборов 2020 г. оказали два фактора. Первый из них – демографический: с октября 2000 г. до июня 2020 г. из страны в поисках лучшей жизни уехали примерно 1600 тыс. – 1800 тыс. человек (s. 22). Большая часть тех, кто «голосовал ногами», – молодежь с высшим образованием, тот самый человеческий капитал, который мог бы поддерживать демократические преобразования в Сербии, но вряд ли вернется назад в ближайшее время. Второй фактор – засилье пропаганды правящей партии в средствах массовой информации (s. 22).

Говоря о партийной системе в Сербии в настоящий момент, В. Гоати отмечает, что трудно отделаться от впечатления, что на

систему представительства в стране оказывают воздействие не только волеизъявление граждан, но и неравноправные условия проведения выборов: прежде всего, предпринимаемые властью меры по фальсификации результатов голосования, а также использование законодательной власти в интересах правящей партии. Кроме того, подчеркивает исследователь, нет никакого сомнения в том, что, установив контроль над наиболее важными СМИ, власть лишила большинство граждан полной и объективной информации по ряду важных вопросов, и таким образом оппозиция оказалась в неравноправном положении.

По словам И. Пейич, практика парламентаризма, обеспечивающая представительство в парламенте различных политических движений и в особенности защиту и правовые гарантии парламентской оппозиции, так и не получила развития в Сербии за прошедшие 30 лет (s. 135).

Как отмечает другой автор, С. Атлагич, во всех избирательных кампаниях, проходивших с 1990 г. и до сегодняшнего момента, практически невозможно заметить какие-либо значимые различия между программными документами партий. До 2000 г. в программах всех партий речь шла о защите национальных и государственных интересов для достижения основной цели – улучшения благосостояния народа. После 2000 г. основным способом достижения той же цели провозглашается присоединение к ЕС (s. 197).

С. Орлович рассматривает влияние на партии и партийные системы различных политических институтов. Так, за последние 30 лет изменились границы государства (СФРЮ, СРЮ, государство Сербия и Черногория, Сербия), статус Косова и Метохии, изменилось число общин и городов. На политических партиях эти изменения сказывались как в программном отношении (унитаристы, федералисты, сепаратисты), так и в организационном (партии, организованные на национальном, региональном и местном уровнях). С утверждением многопартийности в политическую жизнь активно включаются партии национальных меньшинств. Принят ряд законов, утверждающих свободу и права национальных меньшинств, учреждаются институты культурной автономии

и т.д. За прошедший период несколько раз изменялся закон о политических партиях, в частности, менялось число подписей, необходимых для регистрации партии. Изменялся и закон о финансировании политических партий. Государственноцентричная концепция финансирования уменьшила зависимость партий от собственников крупного капитала, корпораций и других заинтересованных субъектов. Кроме того, усилилась персонализация политической деятельности: другими словами, с одной стороны, партийные лидеры стремились как можно полнее идентифицироваться с партией, а с другой – граждане все чаще рассматривали партию прежде всего через личность ее руководителя, видя в нем олицетворение партийной программы. «Портреты руководителей менялись на стене, но, начиная с Тито, Коштуницы, Тадича, Николича и заканчивая Вучичем, потребность в культе лидера сохранялась и ныне поддерживается 60% избирателей» (s. 65). Чем слабее в стране институты, тем сильнее личная власть тех, кто их возглавляет. Это приводит к увеличению возможностей для дискредитации оппонентов и коррупции, а впоследствии – и к разрушению самих политических институтов. По словам С. Орловича, создается впечатление, что для партии больше не имеют значения доктрины, программы и идеи, а важны лишь партикулярные интересы и стремление к безграничной власти, сосредоточенной в руках партийного лидера и его ближайшего окружения.

Крайне критический взгляд на политическую и партийную жизнь Сербии выражен в статье С. Михайловича. Исследователь выделяет 1988, 2000, 2012 как переломные годы в политической жизни Сербии за последние три десятилетия. Эти поворотные моменты истории, по его мнению, были результатом взаимодействия трех политических акторов: лицемерных политиков, мобилизованного послушного большинства, безответственных интеллектуалов. Двигателем изменений стал средний класс, стремившийся вырваться из тисков социализма. Именно представители среднего класса, которых, с одной стороны, манила надежда, что удастся преодолеть классовый барьер и очутиться среди вершителей судеб мира, а, с другой стороны, подстегивал страх оказаться внизу со-

циальной лестницы, на грани выживания, взяли на себя «историческую» роль. Средний класс и интеллектуалы, как носители определенной идеологии, сыграли, по мнению С. Михайловича, ключевую роль в переменах 1988 г., когда С. Милошевич начал сосредотачивать власть в своих руках и принялся насаждать авторитарный национализм. В 2000 г., во время «гибридного неолиберализма», власть оказалась сначала в руках альянса «Демократическая оппозиция Сербии» (серб. Demokratska opozicija Srbije, DOS), а потом – так называемого малого DOS (Джинджич, Коштуница, Тадич). В конце 2012 г. бразды правления взял А. Вучич, продвигающий свой неофеодальный прагматизм (s. 305–306).

С. Михайлович также задается вопросом о том, что принесли стране изменения, произошедшие в годы перемен. Имели ли перемены лишь политический характер? Как они сказались на обеспечении трудящихся достойными условиями труда и жизни, на создании правового государства, защите прав человека и дальнейшем развитии демократии? По мнению исследователя, общими чертами названных вех развития страны являются партократия, отмирание общественных институтов, волюнтаризм, злоупотребление СМИ, криминализация политических противников, а также такие феномены, как приватизация общественной и государственной собственности (и распродажа последней), ухудшение условий труда и жизни, мнимая парламентская демократия, антикоммунизм... По крайней мере, для двух из выделенных этапов были характерны военные конфликты, этноцентризм и национализм, таблоидизация общественной жизни и политики. Единственное реальное изменение, произошедшее за весь рассматриваемый период, как считает С. Михайлович, сводится к «революционному» переходу от социализма к капитализму, переходу власти в руки новых собственников капитала (включая такого акционера, как государство). Аналитик подчеркивает, что ни одна из трех смен руководства не была результатом политической конкуренции, движения масс или итогом деятельности гражданских активистов. В результате народ постепенно терял веру в мессианскую роль одного политического игрока и приступал к поиску новой мессии (s. 307).

Исследователь В. Павлович стремится дать ответ на вопрос, способствует ли политический плюрализм развитию парламентской демократии. По его мнению, процесс возрождения многопартийной системы в Сербии можно разделить на четыре этапа. Первый, подготовительный этап продолжался с 1980 до 1990 г. Второй этап пришелся на 1990-е годы, когда на политической сцене возродились некоторые старые и возникли новые политические партии, а доминирующую роль стала играть Социалистическая партия Сербии (SPS), возникшая в результате трансформации Союза коммунистов Сербии. Для третьего этапа (2000–2012) характерно развитие многопартийной системы и парламентской демократии, важную роль играли такие партии демократической оппозиции, как Демократическая партия (DS) и Демократическая партия Сербии (DSS). Четвертый этап, как считает В. Павлович, начался в 2012 г. и продолжается и поныне, на этом этапе доминирующую роль в парламенте и обществе играет Сербская прогрессивная партия (SNS) (с. 26–27).

Как отмечает другой эксперт, Д. Павлович, после 2012 г. на политической сцене Сербии появился ряд новых партий, которыми руководили политики, в той или иной мере уже изведавшие вкус власти (Новая партия, Народная партия, Партия свободы и справедливости, Сербия 21). Многие из этих объединений появились вследствие распада уже существовавших партий – прежде всего, Демократической и Либерально-демократической (с. 219). Однако новые партии и движения так и не смогли институционализироваться и очень быстро сошли с политической сцены, что, по словам Д. Павловича, было обусловлено в том числе частыми изменениями их программ. Чтобы увидеть реальную картину, исследователь предлагает сравнить сербскую партийную систему с ее аналогами в таких Балканских странах, как Хорватия и Северная Македония. Так, в Хорватии за период 2015–2020 гг. возник ряд новых партий, однако хорватская партийная система не была дестабилизирована. Две главные хорватские партии – Хорватский демократический союз (HDZ) и Социал-демократическая партия Хорватии (SDP) – продолжают играть ведущую роль. Ситуация в Северной Македонии, по утверждению Д. Павловича, демонстри-

рует, что демократизация и институционализация не являются синонимами. Партийная система этой страны оставалась стабильной в период 2006–2016 гг., невзирая на ослабление демократических институтов, а после 2016 г., когда демократия начала «выздоравливать», стала ослабевать институционализация (s. 212).

«Тенденции, наблюдаемые в Сербии, показывают, что политические партии представляют собой подчиненные политической олигархии закрытые структуры, в которых права рядовых членов носят лишь декларативный характер», – утверждает Д. Ковачевич (s. 257). Развитие этих тенденций к настоящему времени привело к организационному ослаблению ряда значимых партий и, следовательно, к дальнейшему свертыванию демократического потенциала.

По мнению аналитиков, сегодня, после трех десятилетий продвижения от однопартийной к многопартийной политической системе, Сербия по некоторым показателям находится даже в менее благоприятной ситуации, чем в начале 1990-х годов. Всякого рода политические манипуляции, коррупция, бедность, частичная занятость, неуверенность в завтрашнем дне – все это присутствует в Сербии. Результат – апатия, смирение или циничная готовность пользоваться всеми имеющимися возможностями для построения карьеры, включая коррупционные или партийные связи. По словам исследователя З. Стойковича, гражданское население Сербии достаточно пассивно, не обладает каким-либо влиянием, располагает крайне ограниченным политическим капиталом и имеет слабо выраженную политическую идентичность (s. 99). Гражданское общество, испытывающее недоверие к партиям и профсоюзам, выражает свою волю посредством проходящих время от времени протестов, основной костяк которых составляет средний класс и образованная молодежь. В отличие от своих предшественников-шестидесятников, боровшихся за изменение мира, в котором выросли их родители, современная молодежь выступает, прежде всего, за сохранение существующих ценностей. З. Стойкович цитирует известного политолога И. Крастева, утверждавшего, что сила современных протестов, прежде всего, в их способности сдерживать развитие олигархических структур и контролировать работу

правительства (s. 103). Однако исследования, проведенные в Сербии в 2017 г., показали, что лишь каждый десятый гражданин страны верит, что может изменить то, что его не устраивает, причем в качестве лучшего способа добиться желаемых перемен лишь 19% опрошенных назвали протесты, 38% – выборы, 24% – членство в партиях, 15% – участие в общественных диспутах, 14% – активность в социальных сетях (s. 111). По данным Института европейских исследований за март 2020 г., о недоверии партиям заявляют 75% опрошенных, причем среди них преобладает молодежь в возрасте до 44 лет, имеющая как минимум законченное среднее образование и проживающая в городах (s. 102). «Если институциональная политика стала профессиональной деятельностью экспертов, то протестная политика лишена какой-либо идеологии, иерархизации и профессионализации», – считает З. Стойкович (s. 103).

По словам Й. Комшича, все большее число граждан считают существующие политические партии «устаревшим товаром, который не может найти своего покупателя» (s. 116–117). В результате люди просто перестают интересоваться политикой, относятся к ней равнодушно, с определенной долей цинизма. Характерно, что участники протестов не заинтересованы в том, чтобы взять власть в свои руки, изменить систему. Они лишь хотят определить границы, которые власть не должна переступать.

Как выглядит типичный избиратель, голосующий в Сербии за правящую партию? По словам М. Бешича, такой избиратель уверен, что выборы в стране имеют демократический характер, и испытывает доверие к политическим и общественным институтам. В экономике он придерживается левых взглядов, в политике – антидемократических, в быту и семейных отношениях – консервативных (s. 192). К сожалению, учитывая нынешнее соотношение сил разных партий на сербской политической сцене и отсутствие в обществе экономических и политических акторов, способных оказывать эффективное влияние на экономическое и культурное развитие страны, в ближайшее время не приходится надеяться на перемены к лучшему. Что же касается эгалитаризма, характерного для сербского народа, то, по мнению М. Бешича, он лишь допол-

нительно цементирует традиционное понимание отношений между государством и личностью.

Тревожные тенденции, связанные с ростом авторитарности, национализма и популизма, в настоящее время наблюдаются почти во всех европейских странах. С учетом этого можно предположить, что развитие демократии и общественный прогресс в Сербии в ближайшее время не имеют особых перспектив. К такому выводу пришли участники конференции, посвященной тридцатилетию возрождения многопартийной системы в Сербии.

Kaloeva E.B.¹

***Thirty years of a revived multiparty system
in Serbia: (un)learned lessons. (Review)***

Trideset godina obnovljenog višepartizma u Srbiji – (ne)naučene lekcije : Zbornik radova sa naučne konferencije. (2020) / Univerzitet u Beogradu ; S. Orlović, D. Kovačević (Urednici). – Beograd. – 332 s. – URL: <https://www.fpn.bg.ac.rs/wp-content/uploads/Тридесет-година-обновљеног-вишепартизма-у-Србији—ненаучене-лекције-1.pdf> (date of access: 14.02.2023).

Keywords: multiparty system, pluralistic democracy, political institutions, political pluralism, civil society, electoral system.

Статья поступила в редакцию (Received) 13.02.2023.

Доработана после рецензирования (Revised) 17.02.2023.

Принята к публикации (Accepted) 20.02.2023.

¹ *Kaloeva Elena Borisovna* – Ph.D. in History, member of the editorial Board of the journal «Russia and the contemporary world». (osstik@icloud.com).